

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.224 (=512.31)

DOI 10.17223/18137083/81/1

Поэтика бурятских сказаний на стадии угасания эпической традиции

Евгения Николаевна Кузьмина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7389-7811>

Аннотация

Впервые рассматривается состояние эпической традиции бурят на примере аудиозаписей, сделанных от улигершина Б. Барнакова в 60-е гг. XX в., когда фиксировалось повсеместное угасание жанра героических сказаний. Это единичные фонозаписи нескольких сказаний, сделанных от одного сказителя. Они позволили провести сравнительный анализ сюжеттики и «общих мест», который показал, что, несмотря на отсутствие длительной практики сказывания и благодаря сказительскому дару улигершина, в сказаниях сохранились разнообразие сюжетов и устойчивость типических мест (*loci communes*). Установлено, что большой объем общеэпических и ситуативных стереотипов способствовал устойчивости сюжетов, а также типизации эпоса. Обнаружена взаимобусловленная внутренняя связь типических мест и сюжетов.

Ключевые слова

бурятские улигеры, типические места, сюжетика сказаний Б. Барнакова

Для цитирования

Кузьмина Е. Н. Поэтика бурятских сказаний на стадии угасания эпической традиции // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 9–20. DOI 10.17223/18137083/81/1

Poetics of the Buryat epics at the decline stage of the epic tradition

Evgeniya N. Kuzmina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7389-7811>

Abstract

The paper addresses the preservation of the epic tradition and the relationship between the plots and “common places” (*loci communes*) based on heroic epics (*üligers*) performed by

© Кузьмина Е. Н., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 9–20
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 9–20

B. Barnakov in 1961–1962 and recorded on a magnetic tape. At that time, Buryat scholars witnessed a decline of the heroic epic genre. However, owing to the storytelling gift and memory of üligershin B. Barnakov, the tales in his performance feature a variety of plots and stability of typical places. The analysis of poetic and stylistic means has shown the narrator's knowledge of the epic fund of stereotypes and laws of plot construction of the heroic epic. He used a variety of general epic and situational typical places, characteristic of the Western Buryat epic tradition. Of importance is the interdependence of internal connection between typical places and plots. The decline of the heroic epic genre was manifested in the plot development of some epics, resulting in incomplete endings and confusion in the names of secondary characters. It should be noted that typical places and stable poetic phrases are of great functional importance in the plot construction of the heroic epic and in the preservation of the epic tradition. In Siberian epic studies, there are still topical issues to be explored in depth, such as correlation of plot and motif, plot and stereotypes, including "common places". Studying these issues will contribute to identifying the factors of sustainability over time of the epic tradition, narrative memory, and the role of the fund of poetic means.

Keywords

Buryat üligers, common places, plots of epics by B. Barnakov

For citation

Kuzmina E. N. Poetics of the Buryat epics at the decline stage of the epic tradition. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/1

Введение
Аудиозапись как достоверное свидетельство
живого бытования фольклора

В качестве эмпирической базы этой статьи послужили героические сказания (улигеры), исполненные Б. Барнаковым в 1961–1962 г. Особое внимание обратил на себя репертуар сказителя (улигершина) тем, что все тексты были записаны на магнитную пленку. Наличие этих фонозаписей отвечает задачам, возникшим в ходе подготовки серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В серии одним из научных принципов публикации фольклорного материала является демонстрация живой традиции. Это возможно путем включения звучащих текстов в состав публикуемого материала, записанных в ходе реального исполнения. Помимо эстетического интереса, звукозаписи ценны тем, что являются достоверным источником, дающим представление о бытовании фольклорного текста, о его естественном звучании, индивидуальной манере исполнителя. Поэтому звуковое приложение, независимо от публикуемого жанра, является обязательным составляющим элементом каждого тома серии, представленным до 1996 г. на грампластинке, затем на CD. Если на грампластинке было возможно помещать лишь фрагменты произведений, то CD позволяет демонстрировать публикуемые произведения в полном объеме.

Что касается текстов героического эпоса, то надо признать, что активное бытование сказаний у народов Сибири полностью угасло к середине XX в., лишь отдельные представители алтайского, шорского, якутского народов еще продолжали сказывать вплоть до начала XXI в. при полной утрате эпической среды. Поэтому усилия авторских коллективов, занятых научной подготовкой томов героического эпоса, чаще всего направляются на поиски архивных звукозаписей текстов, зафиксированных в период активного бытования фольклорных произведений.

Бурятское эпосоведение на сегодня располагает единичными магнитофонными записями фольклорных образцов, которые были сделаны, начиная лишь с 60-х гг. XX в. Качество имеющихся магнитофонных записей оставляет желать лучшего, но, несмотря на это, они являются бесценным материалом, свидетельствующим о состоянии эпической традиции в период ее угасания.

В серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» предусмотрена научная подготовка и издание двух томов героического эпоса. В первом томе помещено одно сказание «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон» [БГЭ, 1991]. Для наглядности на грампластинке, приложенной к книге, помещены фрагменты улигеров «Тонкошей Гулдэмэй» в исполнении Б. Барнакова и «Темноликий могучий хан», записанный от С. Сонтхонова.

Рукопись второй книги готовится к изданию, в нее включены два архивных текста: «Осодор Мэргэн» и «Тохойн Ганса Толэн» (см. список источников). Сказания относятся к унгинскому и эхирит-булагатскому циклам, представляющим западно-бурятскую эпическую традицию. Сказания «Аламжи Мэргэн...» и «Осодор Мэргэн» взяты из классических собраний Ц. Жамцарано и С. П. Балдаева, записаны «от руки» в пору активного бытования героического эпоса, а улигер «Тохойн Ганса Толэн», зафиксированный М. П. Хомоновым на магнитной пленке, относится к позднему эпосу. Таким образом, мы располагаем редким материалом – полной звукозаписью репертуара одного сказителя периода угасания эпической традиции.

Сюжетный состав улигеров Буры Барнакова

В Центре восточных рукописей и киногографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН хранятся аудиозаписи шести текстов в исполнении сказителя Буры Барнакова (1884–1966). Сказание «Тохойн Ганса Толэн» было записано 25 декабря 1961 г., как сказано М. П. Хомоновым в начале аудиозаписи текста. В сопроводительной записке к расшифрованным материалам, которые он подготовил для сдачи в рукописный фонд, М. П. Хомонов написал: «За две поездки на родину Буры Барнакова (1962 и 1963 г.) мне удалось записать великолепные улигеры, в общей сложности составляющие около 10 000 стихотворных строк» (ЦВРК, личный фонд М.П. Хомонова. Записка датирована 14 октября 1987 г.). На рукописи текста «Тонкошей Гулдэмэй» рукой М. П. Хомонова сделан подсчет общего объема расшифрованных текстов: «9 786 стихов, 214 стр., 13,9 п. л. Улигеры записаны в 1962 г. в декабре. Расшифровал с магнитной ленты М. Хомонов». Там же имеется резолюция заведующего отделом А. И. Уланова: «Рукопись обсуждена в отделе в 1964 г. Решено сдать в рук. отдел на хранение. 18.XI. 64 г.».

С датами произошла явная путаница, как и с указанием объема текстов: в них во многих местах обнаружена сбивка строк. Поскольку аудиозапись является для нас первичным источником, свидетельствующим о реальном сказывании, то ориентируемся прежде всего на нее, следовательно, отсчет времени аудиозаписей идет с 1961 г. К этому времени эпическая традиция угасла, исчезла потребность слушателей в исполнении сказаний.

Сказитель Б. Барнаков к моменту записи уже не практиковал исполнение эпоса настолько часто, как ранее, – об этом нет свидетельств. По-видимому, всё же улигершин довольно часто занимался сказыванием, так как в момент записи он хорошо помнил сказания, в редких случаях он сбивался, повторяя эпизод или беря

дыхание. Благодаря тому, что память сказителя была хорошей, и был записан репертуар улигершина из четырех текстов героических сказаний и двух богатырских сказок. Таким образом, нам представилась возможность провести сравнение этих произведений и проследить в них развитие сюжетов и функциональную роль типических мест как основы формы и содержания текста.

М. И. Тулохонов писал: «Сюжетную основу улигеров составляют две ведущие темы: 1) борьба богатыря с чудовищами и врагами; 2) сватовство и женитьба героя и связанные с ними богатырская поездка и испытания женихов» [БГЭ, 1991, с. 19]. Сказания Б. Барнакова включают именно эти классические для эпоса темы. Эпосы «Тохонийн Ганса Толэн» (2 002 стихотворные строки) и «Найтал Мэргэн» (1 358 стихотворных строк) посвящены повествованию о героической женитьбе. Тема третьего сказания «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай» («Арбан табан наһанда үтэлһэн Гургалдай», 2 651 стихотворная строка) посвящена борьбе с врагами, но сюжетная завязка не типична для эпоса: отправка богатыря в дальнюю дорогу мотивирована необходимостью поисков украденного коня. Далее сюжетное действие, связанное с описанием сборов в дорогу и перипетиями богатырской битвы со зловредными ханами, развивается традиционно. Композиционное строение улигера «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай» складывается из двух последовательно выстроенных сюжетных планов о двух поколениях богатырей (отца и сына).

Четвертый улигер («Тонкошей Гүлдэмэй») («Нарин хүзүүн Гүлдэмэй», 2 775 стихотворных строк) затрагивает тему семейно-родственных отношений с зачатками борьбы родичей за власть. Композиция такая же, как и в сказании «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай». Здесь первое сюжетное действие разворачивается вокруг отношений дяди-врага и племянника-богатыря, во втором сюжете выступают уже два сына богатыря, наказавшие дядю и победившие мангадхая. Таким образом, два улигера посвящены теме героического сватовства, два других – теме борьбы с ханами-врагами (и с чужими ханами, и со своими дядьями).

Прослеживается композиционная особенность в зачинах этих сказаний, по-видимому, улигершин не придавал особого значения этому элементу. Все четыре улигера лаконично сообщают о давности происходивших событий: «В давнюю давность / в благодатное светлое время» – *Уряанай-ханай н-уряанай / Урин сагаан сагта* – так одинаково выстроены зачины в сказаниях «Тохонийн Ганса Толэн» и «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай». В двух других («Найтал Мэргэн» и «Тонкошей Гүлдэмэй») к этим строкам добавлено указание местожительства богатырей: они живут посреди Тальминской степи (*Тальман хээри*), посреди пастбищных лугов (*Тальмайн / Тамажан Ёужуурай, бэлиээр дунда*). Вероятно, здесь упоминаются не реальные места, а мифологические, названия которых возникли в силу начальной аллитерации поэтических строк.

Сопоставление фабулы сказаний. В улигере «Тохонийн Ганса Толэн» за в я з к о й становится ничем не мотивированное решение богатыря отобрать жену у соседнего хана. После недолгих сборов Тохонийн Ганса Толэн отправляется к хану, которого он губит, красавица скрывается от него, богатырь ни с чем возвращается домой и на пути встречает незнакомца, с которым вступает в поединок. Выясняется, что они братья. Встреченный брат сообщает богатырю о его истинной суженой Небесной деве, на поиски которой Тохонийн Ганса Толэн и отправляется. Этот момент композиционно является второй за в я з к о й, соответствующей главной цели богатыря. Это вторая сюжетная линия. Богатырю удается

жениться на Небесной деве, но тут в действие вступает коварная мангадхайка-чудовище, которая ищет жену для сына другого хана.

Бурятские эпосоведы (А. И. Уланов, М. П. Хомонов, М. И. Тулохонов, С. Ш. Чагдуров и др.) пришли к единому заключению об отражении в эпических образах древних мотивов, которые явно сказались на изображении в эпосе особенных зооантропоморфных персонажей и их характере. Это ярко прослеживается в наборе отрицательных образов. Чем древнее эпос, тем очевиднее появление в нем многоголовых чудовищ-мангадхаев, олицетворяющих всё мировое зло. Прародительницей их является древняя старуха-мать, у которой хранятся души этих чудовищ. Победа над ней символизирует полное искоренение зла на земле.

Не лишено древних черт и сказание «Тохонойн Ганса Толэн». В нем кульминацией является описание, как обманом и коварством мангадхайке удается погубить богатыря и заполучить Небесную деву. Далее сюжетное действие движется к развязке: зло должно быть наказуемо.

Пока запертая в железном амбаре Небесная дева, не соглашающаяся на брак с ненавистным Харжа Минаа, страдает от ежедневных мучений, которым она подвергается, старший брат богатыря узнаёт о гибели младшего, отправляется на поиски его останков, находит и чудесными средствами оживляет его. Вдвоем после долгих действий они расправляются и с мангадхайкой, и с Харжа Минаа. После этого старший брат отправляется к останкам хана, некогда убиенного младшим Тохонойн Ганса Толэном из-за его красавицы-жены, оживляет его, они становятся побратимами и разъезжаются в разные стороны. Концовка: у Тохонойн Ганса Толэна с Небесной девой рождаются двое сыновей, он их обустроивает неподалеку от себя, и все живут счастливо.

Второй улигер «Найтал Мэргэн» также на тему героического сватовства развивает сюжет с включением уже четырех мангадхаев (75-головый, 95-головый, 105-головый и их мать 2-головое чудовище, но более мощное по своим колдовским возможностям).

Завязкой служит то же желание найти свою суженую. Герою приходится сначала проявить себя в поединке с Харасгай Мэргэном, который оказывается сыном Хара Сохор-хана и братом его суженой Алтан Ногон. Наступает примирение, а затем и дружба с ним. Но главные испытания ждут героя впереди. Он отправляется на битву с врагами семейства его будущего тестя хана Хара Сохора (в улигере «Тохонойн Ганса Толэн» имена соседнего хана и его жены звучат также одинаково). В сражениях со всеми мангадхаями он выходит победителем, наконец, женится на своей суженой и, вернувшись домой, живет счастливо.

Третий улигер Б. Барнакова «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай» («Арбан табан наһанда үтэлһэн Гургалдай») посвящен теме борьбы со зловерными ханами. Необычна композиционная структура этого произведения. В экспозиции сказания сообщается о том, что главный богатырь имеет коней – рыжего окраса, предназначенного для боевых походов, и сивого для дальних дорог. Соседний хан похищает боевого коня. Сюжетное действие начинается с мотивировки богатыря отправиться на поиски своего коня. Следуют сборы на дорогу, описания одежды и вооружения героя, перипетии богатырской поездки и кульминационное описание борьбы главного героя с ханом, уведшим коня, победа богатыря и возврат боевого коня.

Далее начинается развитие *переходной сюжетной линии*, которая повествует о внезапной болезни жены богатыря. В действие вступают три ламы, в книге судьбы вычитавшие о рождении у богатыря сына, которого впоследствии ламы зака-

ляют огнем. Вторая сюжетная линия начинается с нарушения запрета – приема, обычно свойственного сказочным повествованиям. Надо отметить, что этот улигер красочно описывает, как богатырь использует волшебные предметы, которые популярны в сказках: напильник, превращающийся в гору, ножницы, становящиеся черной сопкой. Запрет накладывается отцом-богатырем не подниматься сыну на гору. Нарушение этого влечет за собой цепь событий, в которых проявляются богатырская сила, магические способности сына, становящегося в этом сюжете главным героем. Таким образом, в улигере «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай» прослеживаются два сюжетных плана о двух поколениях богатырей, связанные сначала с отцом, а затем с его сыном. Между ними есть переходная сюжетная вставка, повествующая о рождении сына у богатыря, его становлении, превращении в богатыря, способного самостоятельно совершать героические поступки. Сюжет улигера развивается линейно, что характерно для бурятского эпоса. Сначала излагаются события, связанные с отцом, затем с его сыном.

Фабула четвертого сказания «Тонкошей Гулдэмэй» («Нарин хүзүүн Гулдэмэй»), как заметил М. П. Хомонов, близка по сюжету и художественным особенностям к улигеру эхиритского цикла, затрагивающим тему семейно-родственных отношений, в которых прослеживается борьба за власть внутри рода, как это наблюдается в опубликованном эпосе «Аламжи Мэргэн...». Дядя выступает против своего племянника, науськивая его отца избавиться от сына, чтобы он не занял его трон. Отец отправляет сына подальше, на войну с непобедимым мангадхаем. Следует череда богатырских подвигов, расправа героя с чудовищем, затем с ханом, гибель богатыря от руки его дяди. Далее идет повествование о двух сыновьях богатыря, которые растут «не по дням, а по часам», об их подвигах, победе над мангадхаем, воскрешении ими своего отца Гулдэмэя, расправе с дядей-предателем.

Как показывает фабула сказаний Б. Барнакова, сюжеты его улигеров разнообразны, в художественном плане яркие, соответствующие эпической традиции. Но необходимо заметить, что сохранность сюжета неидеальна, по-видимому, по причине нечастого сказывания: чем чаще сказитель исполняет произведение, тем память лучше фиксирует сюжетные перипетии. Улигершин Б. Барнаков к моменту записи его произведений уже отошел от сказительской практики и был пожилым, что, вероятно, сказалось на художественном качестве произведений. Например, в улигере «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай» концовка скомкана, логическая цепь эпизодов нарушена, и поэтому в этой части сказание непонятно. Обращает на себя внимание еще один момент, связанный с именами второстепенных персонажей. Они переходят из улигера в улигер, например, именами Хара Сохор-хан и Алтан Ногон названы то хан с женой (в сказании «Тохонойн Ганса Толэн»), то отец с дочерью («Найтал Мэргэн»), соседний хан («Тонкошей Гулдэмэй»). Такая схожесть имен произошла, по-видимому, во-первых, в силу типизации образов, во-вторых, из-за того, что произведения относятся к творчеству одного исполнителя, а также в некоторых случаях в силу аллитерации.

О соотношении сюжетов и «общих мест» эпоса

Развитая эпическая традиция обладает своим фондом поэтических средств, которые активно используют практикующие сказители. Во время сказывания исполнитель «пользуется определенным словарем типических образов-символов,

мотивов и стилистических средств. Он может только развивать уже известные ему сюжетные ситуации или комбинировать мотивы» [Бучилина, 2009, с. 236]. «Общие места» (типические места, стереотипы) относятся к тому типу устойчивых поэтических способов, которые поддерживают стабильность и устойчивость фольклорной традиции. В литературе замечен термин «повторяющийся комплекс» (Г. Г. Москальчук, С. П. Козловский), в который, помимо повторов, включены и типические места, связывающие различные сюжеты, объединяемые «в общий метатекст с единой парадигмой логического восприятия эпоса»¹.

Б. Н. Путилов о типовом характере элементов эпического мира писал: «...эпический мир предстает принципиально организованным и направленным соответственно внутренним задачам эпоса, его художественной природе» [1999, с. 25]. В типизации огромную функциональную роль играют типические места. Как показывает анализ бурятского эпоса, относящегося к архаическому типу, чем древнее эпос, тем обширнее типизация и большее значение придается поэтическим стереотипам.

Систематизацию «общих мест», начатую в «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири», следует продолжить на более широком материале с охватом всего имеющегося фонда героических сказаний (алтайских, бурятских, тувинских, хакасских, шорских, якутских) и создать подобные указатели по каждому национальному корпусу.

Сравнительный анализ сюжетов из репертуара Б. Барнакова позволяет увидеть, насколько тесно связаны типические места с эпическим сюжетом. Видно мастерство сказителя в сюжетостроении разнообразных тем и эпизодов. Сказитель активно использует как общеэпические стереотипы, характерные традиции, так и ситуативные, свойственные сказаниям только этого улигершина. Зная высокую степень типизации бурятского эпоса, можно предположить, что эти ситуативные «общие места» функционировали в каких-либо улигерах других сказителей. Подтвердить или опровергнуть это можно было бы при большем числе фиксаций эпического материала. В силу типизированного характера эпоса эти стереотипы (и общеэпические, и ситуативные) носят интертекстуальный характер, переходя из улигера в улигер.

В сказаниях Б. Барнакова к общеэпическим стереотипам относятся: описания богатырского снаряжения и одежды, внешнего облика персонажей эпоса (особенно героинь), богатырской езды, раскуривания трубки, психологического состояния, вкушения яств, борьбы с противником, включающей картины боя, равновесия сил противников, победы богатыря и расправы с врагом, свадебного пира. Особое место отводится в сказаниях образам коней и их способностей, а также антропоморфным персонажам (чудовищам-мангадхаям). Все эти типические места лежат в основе эпизодов героических сказаний, т. е. активно задействованы в их сюжетном развитии. Ситуативными являются устойчивые поэтические описания, которые встретились только в улигерах Б. Барнакова. Их включение в повествование разнообразит поэтический язык произведений, способствует типизации образов. Например, в улигере «Найтал Мэргэн» есть одинаковые эпизоды: главному герою приходится сражаться сначала с 75-головым чудовищем-мангадхаем, которого одолевает богатырь, затем навстречу мчится уже 95-головое чудо-

¹ См.: Козловский С. П. История и старина: мировосприятие, социальная практика, мотивация действующих лиц. URL: <https://www.culture.wikireading.ru/28382> (дата обращения 13.08.2022).

више, также побежденное богатырем, после этого богатырь вступает в битву со 105-головым мангадхаем. Изображение приближения чудовищ дается одинаково, хотя в описаниях заметна естественная «вибрация» текста, которая вызывает лексическую вариацию:

<i>Гэб Гэбхэн Галсилуулана,</i>	Легкий ветер поднимая,
<i>Гэмэжэн үүлэйн татана,</i>	Нежное облако подгоняя,
<i>Халуун бүлээн хоёри</i>	То жаром, то теплом
<i>Амидхагаар ерэбэ...</i>	Обдавая, приближался... ²

(Найтал Мэргэн, с. 16)

Этот же стереотип встречается в другом улигере Б. Барнакова «Тонкошей Гулдэмэй» и передает погоню зловредного хана за главным героем (строки 1 014–1 017). Много раз повторяется в улигерах сказителя устойчивое образное описание раннего подъема богатыря: «Рано утром поднялся / С мыслями хана-человека, / С чутким сном [птицы]-ласточки – *Эртээришинин бодобо / Хаан хүүни бодооноор / Хараасгайн н-унтаанаар.*

Не раз прибегают сказитель к описанию разделки богатырем своей добычи. Причем сцена, когда богатырь одной стрелой подстреливает марала с маралухой и нанизывает на стрелу, есть в эпическом памятнике бурят «Абай Гэсэр Могучий» (строки 2 412–2 418, 3 267–3 272), но без изображения умелой разделки добычи. У Б. Барнакова это описание является общим для трех сказаний: «Тонкошей Гулдэмэй» (строки 615–621); «В пятнадцать лет повзрослевший Гургалдай» (строки 484–485, 2 081–2 084) и ниже цитируемый улигер «Найтал Мэргэн»:

<i>Гогоон богоон хоёри</i>	Марала с маралухой
<i>Нэгэ Гомоор харбада,</i>	Одной стрелой выстрелил,
<i>Харбажа н-абадал,</i>	Так подстрелив,
<i>АбаГан-ханай биэрээ</i>	Уложил [их],
<i>Шүдэнэй сайа хоорондо,</i>	Зубы не успели сомкнуться,
<i>Нюдэнэй шабшад хоорондо</i>	Глаза не успели моргнуть –
<i>АраГайн-ханай</i>	Как шкуры
<i>АраГан тээшэн Галгаагаад,</i>	В сторону шкур отделил,
<i>Мяхайн-ханай болохо</i>	Как мясо
<i>Мяхан тээшэн Галгаагаад...</i>	В сторону мяса отделил...

(Найтал Мэргэн, строки 185–194)

К ситуативным можно отнести такие стереотипы, как увещевание богатыря в его неправоте (когда он хочет отобрать жену соседнего хана или расправиться с невинным человеком), упреки противников в неметкой стрельбе из лука и т. д., которые встречаются в улигерах сказителя. Эти стереотипы, являясь ситуативными, встречающимися только у этого сказителя, переходят у Б. Барнакова из сказания в сказание. По этим устойчивым поэтическим описаниям можно установить, что они свойственны сказительскому творчеству одного исполнителя.

Общеэпические стереотипы, используемые Б. Барнаковым, соответствуют перечню в «Указателе типических мест...» [Кузьмина, 2005, с. 8–10]. Они составляют фонд поэтических средств, которыми активно пользовались бурятские скази-

² Здесь и далее перевод наш. – Е. К.

тели. Мотивировка, с которой у Б. Барнакова начинается сюжетное действие героических сказаний на тему героической женитьбы, в этом указателе отсутствует, но она будет отражена в расширенном указателе под имеющимся индексом П.А.4. Это «общее место» будет помещено в указателе типических мест бурятского эпоса:

<i>Ганса хадаа хуун</i>	От одного человека
<i>Хуун болохо ёһо үбээ,</i>	Человек не пойдёт,
<i>Ганса хадаа сусал</i>	От одной головёшки
<i>Гал болхо ёһо үбээ</i>	Огня не будет

(Тохойн Ганса Толэн, строки 5–8; «Найтал Мэргэн», строки 65–68)

Мотивировка облекается в традиционную для эпоса форму поговорки, которая лаконично и образно выражает цель и тему сказания.

Переходя к следующему эпизоду о сборах в дорогу, сказитель прибегает к типическому описанию одежды, доспехов и вооружения богатыря. Но предварительно сообщается:

<i>Баруун гараараа</i>	Правой своей рукой
<i>Дайни тоного түхөөрэбэ,</i>	Снаряжение для войны собирал,
<i>Зуун-ханай гараараа</i>	Левой своей рукой –
<i>Мориной бэйин тоног түхөөрэбэ.</i>	Снаряжение для коня.

(Тохойн Ганса Толэн, строки 12–15)

Эти строки переходят из текста в текст: «Найтал Мэргэн», строки 84–88, «В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай», строки 92–95, «Тонкошей Гулдэмэй», строки 345–349. Далее следует подробное описание богатырской верхней одежды-дэгэла: семьдесят пуговиц, сапоги из рыбьей кожи, наборный серебряный пояс, бобровая шапка, броня. Описание конского снаряжения включает характеристику качества, размеров сбруи, различных ремней-тороков. Вооружение состоит из богатырского лука, стрел, колчана. Далее сюжеты всех произведений Б. Барнакова, как и в целом бурятский эпос, построены на типических местах.

Здесь уместно привести мнение Г. Г. Москальчук о значимости «повторяющегося комплекса» как носителя темы текста. Для того чтобы определить роль повторов, исследовательница предлагает проделать следующий эксперимент: «если прочитывать только неповторяющиеся элементы текста, то нельзя судить о теме. Тест на вычеркивание повторов из текста делает его непонятным, так как удаляется тема. И наоборот, если прочитывать только повторяющуюся часть текста, то его смысл и даже многие детали смысла, и в особенности структуры целого, будут ясны и понятны» [Москальчук, 2003, с. 25–26]. Мы в свое время уже отмечали, что последовательный перечень типических мест сибирского эпоса, приведенный в названном выше указателе, как раз и дает представление о сюжетном строе героических сказаний. Можно констатировать, что внутренняя связь стереотипов с сюжетом глубока и функциональна.

Заключение

Фиксация героического эпоса в его полноценном художественном качестве на стадии угасания эпической традиции стала возможной благодаря сказительскому

дару и памяти улигершина Б. Барнакова, который продемонстрировал разнообразие эпических сюжетов и хорошую сохранность поэтического языка сказаний.

Имеющиеся аудиозаписи исполнения героического эпоса, произведенные «вживую», дают полное представление об исполнительской манере сказителя, музыкальной стороне произведения, поэтому предпринимаемые публикации фольклорных текстов, если они сопровождаются фонозаписями, необходимо представлять в их нотной расшифровке.

В арсенале поэтических средств сказителя Б. Барнакова имеется большой объем общеэпических и ситуативных типических мест, которые характерны западно-бурятской эпической традиции. Эти стереотипы обусловили высокую степень типизации эпоса и устойчивость традиции.

Внутренняя связь типических мест и сюжетов взаимообусловлена. Логическая цепь «общих мест» направлена на последовательное развертывание сюжета.

Отсутствие эпической среды и потребности в сказывании героического эпоса сказалось на состоянии художественной ткани произведений: в некоторых улигерах заметна незавершенность концовок, путаница в именах второстепенных персонажей.

Типические места несут большую функциональную нагрузку в сюжетостроении сказаний, в поддержании их языка и поэтики, определяют стабильность и устойчивость во времени самой эпической традиции.

Список литературы

БГЭ – Бурятский героический эпос: Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон» / Сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)

Бучилина Ю. Н. К вопросу о соотношении сюжета и мотива как структурообразующих элементов в словесном творчестве // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 236–241.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксперимент. изд. / Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.

Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Изд-во УРСС, 2003. 294 с.

Путилов Б. Н. Экскурсы в историю и теорию славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с. (Slavica petropolitana, V)

Список источников

Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М.: Вост. лит., 1995. 526 с.: ил. (Эпос народов Евразии)

Найтал Мэргэн / Найтал Мэргэн. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения российской академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН), ф. 23, оп. 1, д. 36.

Осодор Мэргэн / Осоодор Мэргэн. ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, оп. 1, д. 231.

В пятнадцать лет возмужавший Гургалдай / Арбан табан наһандаа утэлһэн Гургалдай. ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 23, оп. 1, д. 31.

Тонкошей Гүлдэмэй / Нарин хүзүүн Гүлдэмэй. ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 23, оп. 1, д. 33.

Тохойн Ганса Толэн / Тохойн Ганса Төлэн. ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 23, оп. 1, д. 32.

References

Buchilina Yu. N. К вопросу о соотношении сюжета и мотива как структурообразующих элементов в словесном творчестве [On the issue of the relationship between plot and motive as structure-forming elements in verbal creativity]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences. Art history*. 2009, no. 2, pp. 236–241.

Buryatskiy geroicheskiy epos: "Alamzhi Mergen molodoy i ego sestritsa Aguy Gokhon" [Buryat Heroic Epic "Alamzhi Mergem The Young and his sister Aguy Gokhon"]. M. I. Tulokhonov (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1991, 312 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]).

Moskal'chuk G. G. *Struktura teksta kak sinergeticheskiy protsess* [Text structure as a synergetic process]. Moscow, URSS, 2003, 294 p.

Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksperiment. izd.* [Index of Common Places of the Peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakasses, Shors, Yakuts): Experimental ed.]. Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, 2005, 1383 p.

Putilov B. N. *Ekskursy v istoriyu i teoriyu slavyanskogo eposa* [Insight into the history and theory of the Slavic epic]. St Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 288 p. (Slavica petropolitana, V).

List of sources

Abay Geser Moguchiy. Buryatskiy geroicheskiy epos [Abay Gesser the Mighty. Buryat Heroic Epic]. Moscow, Vost. lit., 1995, 526 p.: ill. (Epos narodov Evrazii [Epos of the Peoples of Eurasia])

Arban taban nahandaa utelhen Gurgaldai [At the age of fifteen matured Gurgaldai]. Tsentr vostochnykh rukopisey i ksilografov TsVRK IMBT SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Xylographics, IMBTS SB RAS]. f. 23, inv. 1, d. 31.

Naytal Mergen. Tsentr vostochnykh rukopisey i ksilografov TsVRK IMBT SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Xylographics, IMBTS SB RAS]. f. 23, inv. 1, d. 36.

Osoodor Mergen. Tsentr vostochnykh rukopisey i ksilografov TsVRK IMBT SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Xylographics, IMBTS SB RAS]. f. 36, inv. 1, d. 231.

Narin khyzyyn Gyldemey [Thin-necked Guldemey]. Tsentr vostochnykh rukopisey i ksilografov TsVRK IMBT SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Xylographics, IMBTS SB RAS]. f. 23, inv. 1, d. 33.

Tokhonoyн Gansa Tölen. Tsentr vostochnykh rukopisey i ksilografov TsVRK IMBT SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Xylographics, IMBTS SB RAS]. f. 23, inv. 1, d. 32.

Информация об авторе

Евгения Николаевна Кузьмина, доктор филологических наук, профессор
WoS Researcher ID K-2471-2017
SPIN 2594-4957

Information about the author

Evgeniya N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor
WoS Researcher ID K-2471-2017
SPIN 2594-4957

*Статья поступила в редакцию 08.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 15.08.2022
The article was submitted 08.08.2022;
approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 15.08.2022*